

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС КАМЕНЕВ

ХЛАД 2

Нас зовут Проклятыми

Алекс Каменев

Хлад – 2

«Издательство АСТ»

2026

Каменев А.

Хлад – 2 / А. Каменев — «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-189743-7

Тебе шестнадцать, и ты самый молодой князь среди властителей вольных уделов. Испытание силой позади, источник принял тебя, как и стихия. Хлад стал частью тебя, а ты частью него, и этого не изменить. Впереди война и новые испытания, интриги правящего рода и манипуляции советников, не все хотят видеть на троне бастарда. Но ты уже не прежний, растерянный мальчик исчез, и всем несогласным придется склонить голову, потому что у клана Сокола отныне новый владыка. И горе тому, кто попытается этому помешать.

ISBN 978-5-17-189743-7

© Каменев А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

1	5
2	10
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Каменев Алекс (Александр Иванов)

Хлад-2

1

Огромная туша пассажирского авиалайнера медленно выруливает на взлетку. Сложенный рукав перехода остается позади, вместе с зеркальными стенами терминала центрального корпуса аэропорта. Гул набирающих обороты турбин, самолет разгоняется, величественной птицей уходя в голубое небо.

Красивое и завораживающее зрелище. Нагретый воздух от бетонных плит искажает картинку, на мгновение силуэт лайнера теряет четкие очертания, кажется, что в воздух поднялся фантом. Затем видение проходит, и самолет вновь возвращается в реальный мир, откуда на мгновение пропал.

– Счастливого полета, – шепчу я и отворачиваюсь.

В стороне от аэропорта еще одна полоса с линией ангаров, здесь стоят частные борта, в основном членов клана, управляющих компаний и чиновников, входящих в органы власти Северного Удела.

Вокруг суета, несколько внедорожников застыли темными каплями, ожидая, пока бизнес-джет готовят к полету. Идет выгрузка багажа, последние этапы предстартовой подготовки.

Обтекаемый корпус реактивного красавца украшает герб клана Бельских: расправивший крылья сокол хищно смотрит на мир, в любой миг готовый обрушиться вниз и настичь добычу. Черное на белом, в схематичном, но при этом удивительном четком исполнении.

С глубокого синего неба светит солнце, на улице жарко, подходят к концу последние дни поздней весны. Удивительный контраст в очередной раз заставляет задуматься, всего в нескольких десятках километров отсюда находится царство вечной зимы, где до сих пор лежит снег и властвует жгучий мороз.

Хлад протянул щупальца далеко, но не дотянулся сюда. Аэропорт гораздо южнее столицы удела. Возводя воздушную гавань, проектировщики озаботились, чтобы хоть какое-то время в году не пришлось возиться с очисткой взлетных полос от налетевшего снега.

– Все равно что в другой климатический пояс попасть, – ворчу я, но скорее одобрительно. Мне нравилась необычность своего нового дома. А домом теперь можно назвать весь Северный Удел. В конце концов, я считаю его полноправным правителем.

Ха, правителем. Или скорее властителем без власти. Фактически всеми делами до сих пор заправляют советники, после смерти князя договорившиеся с правящим родом и создавшие альянс, в противовес молодому чужаку, волей судьбы оказавшемуся на вершине клановой иерархии.

Они терпеть друг друга не могут и за глаза презирают друг друга, но быстро спелись, стоило понять, что ссориться дальше бесполезно, иначе можно потерять все. Такая приспособляемость удивляла и даже вызвала уважение решимостью поступиться эмоциями ради сохранения власти.

– Чертовы ублюдки, – я оглянулся. Стоящий у одного из джипов Скрябин почувствовал взгляд и тут же вопросительно изогнул бровь, безмолвно спрашивая «повелителя», нет ли «распоряжений».

Глеб Павлович Скрябин – советник левой руки, вторая по значимости фигура среди помощников бывшего князя. Сухощавый мужчина в дорогом, но неброском костюме с неприметной внешностью средней руки клерка с огромным влиянием и властью почти на весь бюро-

кратический аппарат Северного Удела, благодаря которому колесики и винтики клановых земель и предприятий продолжают крутиться.

Его коллег – Якова Сигизмундовича Радова, советника правой руки, и Екатерины Львовны Милорадской, советника сердца – сегодня нет. Провожать молодого князя в столицу отправили лишь одного. Непонятно, радоваться этому или печалиться, слишком все запутано после моего появления. И неизвестны границы приказов, которые будет исполнять привыкшая к самовластному правлению тройка.

У другой машины – приземистого серебристого спорткара, небрежно оперевшись упругой попкой на крыло шикарного авто, стоит Юлия Бельская, кузина, о чьем существовании я до последнего времени не подозревал. Она представляет противоположную сторону – правящий род клана Бельских. Здесь тоже все не просто, хотя мы официально и являемся родственниками.

У правящего рода, отстраненного старым князем от рычагов управления, накопился ворох претензий, в конечном итоге закончившийся заговором. Недальновидность и слабость, помноженные на старческое безумие, и как закономерный итог – появление на троне бастарда.

По моему лицу скользнула ухмылка. Никто из этих деятелей понятия не имел, чем закончатся их дурацкие игры в погоне за властью. Я стал темной лошадкой, нарушившей весь порядок. Хуже того, получил власть над Сейд-озером, и этот факт теперь защищал не хуже стены верных телохранителей. По крайней мере, на данный момент.

– Пока дядя Герман не найдет подходящую замену, более послушную и предсказуемую, – буркнул я под нос, наблюдая, как Юлия, оторвавшись от любимого авто, подходит, держа в руках телефон. Похожий маневр совершил Скрябин, но держа перед собой тонкий планшет. У обоих почти одинаковое выражение недовольства на лицах. Это насторожило.

– Что? – я нахмурился.

Вместо ответа кузина протянула телефон экраном вперед. Серебристая игрушка органично смотрелась в руках хозяйки – платиновой блондинки, одетой в серый брючный костюм.

Я не стал брать устройство, лишь вопросительно приподнял бровь. Юлия терпеливо пояснила:

– ЧП на дальней заставе.

Какой еще, к черту, дальней заставе?

– А точнее, на северной оконечности передовых рубежей северной границы, – уточнил Скрябин, подходя ближе.

– Что там случилось? – телефон я все же взял, но подумав, поменял на планшет советника с большим экраном. Судя по застывшей картинке, мне хотели показать одну и ту же запись, одновременно присланную Скрябину и княжне.

Интересно, почему мне ничего не присылают? Телефон у меня есть, учетную запись во внутренней системе клановой сети я тоже завел, получив неограниченный доступ. Хотя насчет последнего – это, наверное, видимость. Вряд ли настоящие хозяева позволят копаться в секретных данных недавно появившемуся «чужаку». Возможно, поэтому и нет оповещения, аккаунт с изъяном или с ограничениями.

Подумал об этом мельком, изучая присланный на планшет видеофайл.

– Какого черта? Это что, тела?

А точнее, три тела, выложенные в странную фигуру на вершине каменистого холма. Все обнажены, у всех на коже непонятные рисунки и письмена. Что за хрень?

– Дежурная смена станции климатических наблюдений, – сухо доложил Скрябин. – Они не вышли на связь в контрольный срок, и туда отправилась группа проверки. Они и обнаружили тела, а также сожженную станцию.

– Там же рядом находился радионавигационный маяк, он тоже выведен из строя, – угрюмо добавила Юлия.

Я вновь обратил взор на экран. Снимавший увеличил фокус, беря крупным планом нарисованные на мертвецах знаки.

– Что за каракули на них намалеваны? Кто-нибудь знает? – я поднял голову, успев заметить, как советник и княжна обменялись быстрыми взглядами.

Как интересно, у них общие секреты? А с остальными поделиться не хотят? Я показательно нахмурился, и оба поняли, что безмолвный обмен не остался незамеченным.

– Рассказывайте, – велел я, не слишком уверенный, что собеседники поведают именно правду, а не навешают лапши, искреннее считая, что юному правителю незачем влезать в такие дела.

Однако оба удивили, почти в унисон заявив:

– Это неоязычники.

Скрябин произнес это с кислой миной, Юлия – с раздражением. Какая разная реакция на одни и те же слова...

– Какие еще неоязычники? Наши?

Княжна отрицательно качнула головой.

– Нет, скандинавские. Неовикинги, практикующие человеческие жертвоприношения Одину. Как они говорят: «возвращаясь к истокам».

Сообщение заставило на несколько секунд зависнуть.

– Они сумасшедшие, ваша светлость. Кучка психопатов, не признающих общечеловеческих правил. Изгои, которым нечего терять, – сказал советник, чем заслужил неприязненный взгляд со стороны княжны. Похоже, у нее на это имелось свое мнение, отличное от чиновника.

– Они маги? – не понял я. – Пытаются через ритуалы увеличить силу?

– Некоторые – да, но не все, – ответила Юлия, бросила еще один косой взгляд на советника и быстро продолжила, не дав тому заговорить: – Официально власти Скандинавского альянса их не поддерживают, но ходят слухи, что движение финансируется в том числе через органы муниципального управления нескольких норвежских и шведских городов.

– Это только слухи, – быстро произнес Скрябин, явно о чем-то сильно переживая. Он тревожно посмотрел на меня, но тут же скосил глаза в сторону.

– У них есть корабли? – я продолжил расспросы, не обратив внимания на реакцию советника. Тот скорчил кислую мину, но промолчал.

– Разве что рыболовецкие траулеры, – ответила Юлия. – Давать военные корабли скандинавы им все же не рискуют, понимая, чем это может закончиться.

– Правительство Скандинавского альянса официально признало группировку неовикингов радикальным объединением и запретило ее на своей территории, – быстро проговорил Скрябин.

– Но не всех, а только силовое крыло. У них есть еще общественная организация, призванная популяризовать среди населения древние верования, – возразила княжна. – Она не запрещена, и больше того – процветает. Многие крупные скандинавские компании и предприниматели жертвуют им огромные деньги, и это не запрещается.

– Связь между неоязычниками и Обществом за древние верования до сих пор официально не подтверждена, – скупно напомнил советник, но выглядел он при этом сильно недовольным.

Сзади раздался гул мощных двигателей – очередной авиалайнер заходил на посадку. Мельком оглянувшись на небесного гиганта, способного за раз перевезти до четырехсот пассажиров, я вернулся к разговору:

– Они что, идиоты? Зачем полезли в земли Бельских?

На мгновение по лицу Юлии скользнула гримаса раздражения.

– Это уже не первый инцидент с этими ублюдками на нашей земле, – неохотно призналась она. Ей явно не нравилось говорить о подобной слабости. А это именно она – слабость. Ведь

после первого раза их не убили, раз психи полезли на чужую территорию второй раз. Или который раз они уже сюда лезут?

– Для них северные земли имеют мистический смысл. Древние капища сакральных мест поклонения силы. В древности здесь проходила граница между миром смертных и богов, – торопливо пояснил Скрябин. Он все больше переживал, с тревогой вглядываясь в мои глаза, где медленно растекался лед.

– Эти придурки верят, что там должен проходить рубеж между реальным миром и миром божественных существ, – с презрением бросила Юлия. – И плевать, что все эти дебилские верования базируются на знаниях той поры, когда понятия не имели о спутниковых снимках и нормальных картах. Для них мир живых заканчивался на границе земель, куда древнескандинавские племена просто боялись заходить.

Я качнулся с носки на пятку, засунув руки в карман брюк, рассеянно оглядел готовящийся к полету белоснежный бизнес-джет с черным соколом на борту.

– М-да, а теперь, похоже, они не боятся туда заходить, – протянул я, хмуро обдумывая ситуацию.

Советник открыл рот, собираясь что-то сказать, но его перебила Юлия:

– Старый князь запретил реагировать на нападения, не хотел раздувать конфликт, – она покосилась на Скрябина и злорадно закончила: – И ближайшее окружение его в этом поддерживало.

Намек на советников более чем прозрачен.

Да, биологический папаша – это не дед. Тот бы сразу поджарил задницы всем причастным и непричастным. Или хуже того – организовал бы ответный карательный рейд, стерев с лица земли пару десятков городков Скандинавии.

Властители Северного Удела всегда славились жестким нравом, и только на последнем природе отдохнула, сделав слабохарактерным слизняком. Под конец жизни и вовсе сошедшим с ума. Что забавно, он наверняка думал, что поступает логично, не видя, какой на самом деле наносит вред.

С советниками понятно, эти по натуре не вояки. Им бы жизнь послаще да проблем поменьше. И не дай боги, выйти на улицу под «холодный ветер и проливной дождь».

– Хочу напомнить, что за все предыдущие инциденты власти Скандинавского альянса в полной мере выплатили компенсацию, – осторожно произнес Скрябин. – И принесли официальные извинения.

– И сильно это помогло? – с кривой усмешкой спросил я, боковым зрением успев заметить, как вспыхнули глаза Юлии. Она догадалась, что последует дальше.

Советник тоже это понял, кисло заметив:

– Это может раздуть никому не нужный конфликт.

– Зато отучит некоторых идиотов от нападений на земли Бельских, – парировал я и повернулся к княжне: – У клана есть боевые корабли?

– Два эсминца, – с готовностью подтвердила Юлия. – Не самые современные, но вполне готовые для боевых действий.

Скрябин протестующе поднял руку, сделав последнюю попытку помешать, как он считал, напрасному кровопролитию.

– Ваша светлость, я не думаю, что...

– Не беспокойтесь, Глеб Павлович, я не собираюсь отправлять в бой лично вас, – бесцеремонно перебил его я. – Этим займутся более подготовленные люди.

Княжна бросила победоносный взгляд на советника, по ее лицу скользнула презрительная усмешка.

– И никаких денежных компенсаций. Только кровь за кровь, – жестко произнес я.

Советник вздрогнул, усмешка княжны стала шире.

– Когда выступать? – Юлия плотоядно заулыбалась. Боевой маг, стихия боя для нее была привычной. Но пришлось ее разочаровать.

– Ты едешь со мной. Наказанием скандинавов займутся другие. Ведь у рода Бельских не один боевой маг?

На секунду в глазах княжны мелькнула неуверенность.

– Я не... – она запнулась.

– А если другие Бельские не захотят выполнять приказ, я отсеку их от Сейд-озера, – любезно пояснил я, поняв, с чем связана заминка. – Либо они берут эсминцы и отправляются топить скандинавские корабли, либо начинают готовиться остаться без силы. Мне плевать, хотят они или не хотят подчиняться безродному чужаку и бастарду, но если ублюдки не захотят мстить за собственный удел, то значит, они недостойны быть Бельскими. Я изгоню каждого, отказавшегося выполнять приказ, и плевать, к каким это приведет последствиям.

Долгую секунду Юлия стояла молча, не зная, как реагировать на ультимативный тон, затем склонила голову в коротком поклоне:

– Они пойдут, ваша светлость.

Ошарашенный Скрябин наблюдал, как она отошла с телефоном, потом посмотрел на меня, увидел тусклое серебро по краю радужки глаз и ошутимо вздрогнул. Он явно хотел что-то сказать, но увидев проявление Хлада, передумал.

Обслуживающий персонал тем временем заканчивал последнюю предполетную подготовку. Скоро самолет поднимется в воздух и направится в столицу Конфедерации. Неизвестно, что там меня ждет, но интуиция подсказывала, что по сравнению с этим проблема скандинавских неоязычников вполне могла пройти по разряду несущественных трудностей.

2

Приглушенный гул мощных двигателей за бортом едва пробивался сквозь корпус. Шумоизоляция шикарно обставленного салона демонстрировала высокий класс. Все ради спокойного времяпрепровождения особо важных пассажиров. Даже бежевое оформление интерьера направлено на одно – вызывать умиротворение в ходе долгого путешествия.

Юлия на диване листает глянцевого журнал, из тех, что обычно в руках девиц, увлекающихся модой. Она боевой маг, но она также и женщина, поэтому смотрит, но, похоже, без особого интереса. Перелистывание идет быстро и нервно, княжна до сих пор бесится, что ей не позволили отправиться карать наглецов, напавших на родовые земли Бельских.

Впервые за последнее время никто не стягивает удавку на шее вооруженных сил клана, ограничивая действия по отношению к врагу. Но вместо боя она вынуждена сидеть здесь, ожидая, пока самолет прибудет в столицу.

Ее раздражение понятно, но она нужна на совете, где высшие представители древних родов будут решать, достоин ли юный князь Северного Удела стать одним из них, или же от него придется избавиться, как от опасного конкурента, представляющего угрозу для всех.

А вот Скрыбина пришлось оставить дома. Вечно бубнящий о миролюбии бюрократ будет не к месту на встрече с хищниками, привыкшими пожирать не только чужих, но и своих, если последние проявляют слабость.

– И вообще любого, кто попадется на зуб, – тихо хмыкнул я, без особой радости думая о предстоящем мероприятии.

Совет является высшим управляющим органом Конфедерации, внутри него, как и внутри другой подобной структуры, есть различные фракции и группировки, со своими целями и интересами. При другом раскладе ритуал признания мог быть обычной формальностью, где новичка поддержали бы все, но со мной ситуация иная.

Бельские слишком долго вели жизнь затворников и уже на протяжении нескольких десятков лет не являлись активными участниками политики. При этом Северный Удел вел бизнес со многими, одновременно сохраняя дистанцию. Это создало Бельским репутацию высокомерных снобов, не желающих опускаться до общения с остальными кланами. Что в свою очередь повлияло на популярность северного клана.

Бельских недолюбливали, это факт. У них почти нет друзей в столице, и это тоже факт. Все это в совокупности может повлиять на заседание совета, на котором будет решаться не только моя судьба, но и судьба всего Северного Удела, а точнее, Озера Грез, до которого многие бы хотели добраться.

Заиметь столь мощный источник означает сделать собственный клан еще сильнее. Другое дело суметь совладать с ним, но это уже мелочи, которые патриархов не волновали. Главное – убрать соперника, а затем приниматься за дело.

Они будут решать проблемы по мере поступления. И первой проблемой буду я – бастард, неожиданно ворвавшийся в ряды магической высокородной элиты. Против такого будут все, не стоило обманываться иллюзиями. Даже Дашковы, чью дочь я спас, не станут помогать, потому что речь идет о высокой политике.

– Стая гиен, перестрелять бы их всех, – едва слышно пробормотал я, но Юлия среагировала.

– Что ты сказал?

Я повернулся к ней.

– Да так, мысли вслух.

Отвлекая, легкая вибрация пробежала по корпусу самолета. Сработали встроенные в фюзеляж артефакты, усиливая защиту на высоте десяти тысяч метров. Теоретически даже

зенитная ракета класса «земля – воздух» с умной системой наведения и особой начинкой в боеголовке не сможет уничтожить клановый борт.

Поправка – полностью. А вот сбить может. Как минимум вынудит зайти на экстренную посадку. Но шансы на выживание весьма высоки, подобные аппараты специально конструировали особо живучими.

– Эсминцы готовятся к выходу в море, – сообщила Юлия, небрежно отбросив журнал. Взгляд девушки пробежался по экрану телефона, куда пришло короткое сообщение. – Два отряда гвардии в полной боевой выкладке поднялись на борт, по одному на корабль.

Я молча ждал продолжения, зная, что оно обязательно последует. Обязано последовать. Иначе угроза отрезать клан Бельских от Священного озера будет приведена в исполнение.

– Четыре боевых мага из правящего рода возглавили операцию возмездия. По два на борт. Плюс еще шестеро в резерве на случай непредвиденных обстоятельств.

– Как они собираются добираться до места в случае необходимости? – уточнил я.

– На скоростных вертолетах. Три вертушки будут ждать на низком старте, готовые прийти основным силам на помощь. Также подняты по тревоге приграничные заставы и военные базы.

То есть почти все вооруженные силы Северного Удела приведены в боевую готовность. Наверное, впервые за последние десять лет.

– Какой приказ у эсминцев? – спросил я, думая, что последует заминка. Но Юлия ответила четко, словно читала доклад.

– Проверка всех встречных судов под флагом Скандинавского альянса. В случае обнаружения у членов экипажа символики или атрибутики неоязычества силовой допрос на предмет причастности к совершенному нападению. После подтверждения физическая ликвидация и продолжение миссии.

Иначе говоря: вскрыть глотку и за борт, кормить рыб. Сурово. Но справедливо.

– При отказе остановиться для досмотра эсминцам разрешено применять бортовое вооружение вплоть до торпед и крылатых ракет.

На секунду я задумался. Вот что значит дать свободу застоявшимся воякам. Надеюсь, они там не спят к чертям собачьим пару прибрежных городков. С другой стороны, мы защищаемся, а значит, любые средства хороши. Надо преподать жесткий урок, чтобы остальным неповадно было лезть на территорию Северного Удела. Старый князь подпортил репутацию владык Севера, ведя миролюбивую политику (пацифист херов), надо это менять.

– Пусть возьмут пленных для показательного суда, – велел я.

– Будешь их казнить лично? – спокойно уточнила Юлия.

Насаженные на ледяные пики европейские наемники на многих произвели впечатление. Обдумав идею, я отрицательно покачал головой.

– Нет, пусть их повесят где-нибудь на берегу северных границ, в качестве наглядного примера.

Княжна невозмутимо кивнула, словно до этого каждый день слушала подобные приказы.

– А что делать с захваченными траулерами? Если на них обнаружатся последователи неоязычников?

Корабли? Что в таких случаях делают с кораблями? С преступниками понятно, а с их добром? Кажется, принято забирать в казну? Но не будет ли это выглядеть как пиратство? В конце концов, проводится операция возмездия, а не грабеж.

– Пусть топят, – после секундного размышления решил я.

Мне ответили внимательным взглядом.

– Уверен? Промысловые траулеры стоят дорого.

Юлия ждала ответ, закинув ногу на ногу, в отличие от меня она сидела вполборота по ходу движения самолета на небольшом диванчике.

– Уверен. В конце концов, это миссия священного права мести, а не разбойничий набег.

Взгляд из внимательного стал скептическим.

– Кстати, ты в курсе, что все движения денежных масс внутри кланового банка отслеживаются? И что переводы, особенные крупных средств, стоят на особом контроле?

Я ждал этого вопроса, но не волновался. На уроках по бизнесу в «Серебряном ручье» учили не только открывать банковские счета, среди прочего там рассказывали об уловках, как скрыть деньги, причем не только от обычной проверки, но и от строгого ока налоговой службы.

Преподаватель по финансам был опытный дядька и понимал, что золотой молодежи в жизни придется не только тратить семейные деньги на кутежи, но и прятать их от любопытных глаз в офшорных зонах.

Отследить выведенные суммы невозможно, я это точно знал, потому что заплатил хорошую комиссию, проводя электронные переводы через цепочку подставных лиц. Этим занималась специальная контора, дерущая за свои услуги в три шкуры, но и отрабатывающая по полной. Так что деньги ушли и осели на безымянных счетах вдали от Северного Удела.

– Хочешь подстраховаться на случай, если ничего не выйдет? – спросила Юлия.

Она знала о детдоме, о статусе бастарда, ей и в голову не могло прийти, что деньги не для личного пользования. Точнее для личного, но не только. Про Глебова, фанатика от науки, повернутого на Хладе и конденсате, никто из Бельских не знал. И я намеревался проследить, чтобы так оставалось и впредь. Он был моим джокером на случай, если исследования увенчаются успехом.

Не получив ответа, а лишь неопределенное покачивание головой, княжна продолжила:

– И еще, ты знаешь, что запросы во внутреннюю клановую сеть отслеживаются? И что твое внимание к разделу статистики не осталось незамеченным. Зачем тебе это? Хочешь что-то узнать?

– Вроде того, – я ушел от прямого ответа.

Но как оказалось, у платиновой блондинки на это имелось свое мнение.

– Если верить записям, ты изучал экономический блок, сравнивал показатели за последнее десятилетие.

Захотелось выругаться. Как в анекдоте, блин, спокойно поспать нельзя, все сразу узнают.

– Какого черта вы следите за собственными сетями? – спросил я и понял, что сморозил глупость.

– Потому что это наши сети, – спокойно ответила Юлия.

Ну да, логично, сетевые взломщики, хакеры и другая подобная публика не дремлет. Конкуренты из других кланов и родовых корпораций, опять же. Многим охота узнать внутреннюю кухню друг друга.

В салон заглянула стюардесса, прерывая разговор. Последовали стандартные вопросы о том, не нужно ли что пассажирам. Получив отрицательный ответ, девушка испарилась, аккуратно прикрыв дверь.

За иллюминатором мелькнули барашки редких облачков на фоне голубого неба. Взгляд скользнул вниз и зацепился за значок на лацкане пиджака в виде расправившего крылья сокола. Теперь это обязательный атрибут, как принадлежность к клану Бельских. У Юлии похожий, но выполненный в более изысканном виде, как и полагается женским украшениям.

– Девяносто процентов населения безвольны и аморфны, они идут туда, куда их гонят, и не испытывают от этого проблем, – размеренным тоном начал я. – Еще пять процентов имеет мнение и умеет думать. Эти более независимы, ими труднее управлять, однако их мало. Оставшиеся либо находятся вне системы, либо связаны с ней, получая привилегии, недоступные остальным. Такова структура почти любого общества.

Сказал и перехватил пронзительный взгляд из-под платиновой челки.

– Знаешь, а ты удивительно быстро освоился. Роль властителя удела тебе даже к лицу. Когда ты говорил, у тебя на лице появилось выражение этакой холодной надменности и отстраненности, – сказала Юлия и посоветовала: – Не теряй его, на совете может пригодиться.

Я хмыкнул, отвесил шуточный поклон.

– Слушаюсь, моя повелительница.

Однако княжна не приняла веселый тон.

– Что касается всего остального, то ты прав. В некоторых родовых корпорациях даже изучают данный феномен, пытаясь воздействовать на социум в своих интересах. Есть специальные отделы, которые занимаются отслеживанием настроения масс. Это называется поведенческими реакциями.

– Потому что овцами легче управлять? – я поднял на собеседницу вопросительный взгляд. Мне ответили прямым взглядом.

– Именно поэтому, – последовала короткая пауза. – На этом фоне твои попытки заигрывания с обычными людьми выглядят смешными. Ты ведь этого добиваешься? Хочешь завоевать популярность у простого народа?

В ответ снова неопределенное пожатие плеч.

– Только ты сам говорил, что большинство безынициативны и послушны, как ты собрался их вести за собой?

В этот раз я решил все же ответить.

– Зачем вести за собой? Достаточно, чтобы они испытывали чувство благодарности, – сказал я и сразу продолжил: – Ты права, я изучал экономическую статистику и финансовые показатели за последние десять лет и даже без профильного образования могу сказать, что дела в уделе не очень. На поставках конденсата наживается узкая прослойка лиц, связанная либо с советниками, либо с корпорацией Бельских. До рядового обывателя деньги почти не доходят. Хуже того, за последнее время чиновники приняли несколько неверных решений, еще больше ухудшив ситуацию и нанося урон карману простых людей. Это создает напряжение в обществе.

Юлия прищурилась.

– Хочешь направить народный гнев в нужное русло? – спросила и сама же заметила: – Ты сам назвал их стадом баранов, почему думаешь, что они пойдут за тобой?

Я устало вдохнул. Кажется, меня слушают, но не слышат. Или не желают слышать. А главное, понимать. Разговор начал утомлять.

– Во-первых, я не называл никого баранами. Во-вторых, еще раз повторяю – я не собираюсь вести за собой. Всего лишь хочу сделать жизнь людей чуточку лучше.

И вот тут до нее наконец дошло, глаза княжны расширились.

– Сделать лучше, но при этом указать на тех, из-за кого жизнь была хуже? Ты спятил? Это же гражданский мятеж! Они снесут администрацию и советников, а заодно и всех нас!

Ну, это она загнула. На самом деле никакого желания устраивать революцию я не испытывал. Слишком хлопотно и, чего греха таить, опасно. Начнешь строить справедливое общество, не справишься и сам окажешься на колу. На хрен такое счастье. Становиться всеобщим благодетелем не входило в мои планы. Зато входило другое.

– Ты мыслишь слишком прямолинейно, – скривился я. – Идея не зависеть ни от советников, ни от правящего рода, конечно, заманчива, но мы оба знаем, что это нереально. По крайней мере не с такой системой управления.

– Тогда чего ты хочешь? Провести реформы? – Юлия так увлеклась разговором, что наклонилась вперед, опершись локтями на колени.

– Провести реформы и заслужить благодарность населения удела, – я развел руками. – Разве это плохо?

– Чтобы, когда тебе найдут замену, преемника как минимум не так хорошо встретили, – сообразила Юлия и быстро поправилась: – Если найдут замену.

Я усмехнулся.

– Не если, а когда. Дядя Герман спит и видит, как бы удавить неудобного бастарда, чтобы поставить послушную фигуру. И рано или поздно у него это получится.

– Да брось, никто не... – поспешно проговорила Юлия и замолкла под моим насмешливым взглядом.

Ну да, не ищет, а терпеть меня будут по доброте душевной, из-за природного обаяния. Пока советники и Бельские думают, что грязную работу за них выполнит совет, опасаться действительно не стоит. Плюс признание меня озером висит дамокловым мечом, влияя на поставки конденсата. Но стоит чему-нибудь измениться, как цепные псы получают команду «фас» и наглого чужака разорвут в клочья. Я понимал расклады, поэтому старался подстелить соломки там, куда, возможно, придется падать.

– Смотри, столица показалась, – я кивнул на иллюминатор. Юлия бросила рассеянный взгляд, но предпочла вернуться к журналу.

Сверху главный город Конфедерации напоминал лоскутное покрывало. С юга и запада неряшливое полотно исторической застройки с редкими вкраплениями современных зданий. Север и восток более ухожены, даже есть островок новомодного Сити, увенчанного свечками небоскребов.

В центре знаменитый холм, бывший прибежищем в древние времена Круга волхвов. Теперь на склонах разбросаны представительства кланов, а вершину венчает Зал совета, монструозное сооружение, прозванное в народе за помпезность Собором.

Именно там будет проверка на одержимость. Остальные князья не допустят, чтобы один из них стал безумцем, тем более вззошел на трон удела, поставляющего столь ценное сырье, как конденсат. В случае провала новоявленного властителя сместят общим решением совета и там же скорее всего убьют. Немногим это понравится, так как будет бросать тень на их собственные привилегии, но иного пути нет – никто не допустит в свои ряды одержимого.

Забавно, но страха нет, только раздражение, что приходится выполнять волю старых придурков, боящихся любой мелочи, могущей помешать им править дальше.

– Может, устроить им революцию? Было бы забавно, клянусь всей магией мира, – я ухмыльнулся.

Услышавшая меня Юлия поморщилась, но ничего не сказала, вновь уткнувшись в журнал.

Самолет начал заходить на посадку.

3

Створки разошлись, открывая ворота из кованого железа. Шины прошуршали по асфальту, въезжая на подъездную дорожку. Кортёж растянулся, поэтому привратникам пришлось подождать, пока последний внедорожник втянется внутрь.

У парадного входа выстроилась линия местной прислуги. Нечасто хозяева баловали столь личную резиденцию своими визитами.

– Что-то их слишком много для представительства, в котором никто не живет, – заметил я, выходя из машины, не дожидаясь, пока подскочивший охранник откроет дверь.

– Здесь бывают не только Бельские, гостевыми покоем разрешено пользоваться чиновникам удела и высшему корпоративному менеджменту, когда они посещают столицу, – пояснила Юлия, выбираясь с другой стороны лимузина.

– То есть клановое представительство используется в качестве гостиницы, – хмыкнул я. – Неудивительно, что к правящему роду даже обычные бюрократы относятся с пренебрежением.

Княжна наградила меня пронзительным взглядом.

– Никто не относится к нам с пренебрежением, – отчеканила она, сделав вид, что не заметила, как у части прислуги отвисла челюсть, когда те услышали, о чем спорят приехавшие аристо.

А вот главный управляющий схлынул с лица. В отличие от рядовых слуг, он моментально просчитал, куда может привести подобный разговор, и даже спрогнозировал, чем все это может в итоге закончиться.

По морде сразу видно – хитрая бестия. Исполнительная, но ограниченная. Слишком умных на подобной работе держать нельзя, иначе рано или поздно начнут подгрывать под себя, служа в первую очередь своим интересам. Как в ситуации с советниками и уделом, но только в меньших масштабах.

– Спорим, половина местных приходится друг другу родственниками, – я предложил пари. Практика пристроить родню на теплое место являлась в таких случаях классикой.

Однако Юлия на провокацию не повелась и просто промолчала.

– А еще наверняка штат раздут сверх меры. И у всех зарплаты огромные, даже по столичным меркам, – продолжил я, чисто из вредности.

Тут княжна не выдержала, обведя быстрым взглядом шеренгу слуг. Их действительно оказалось чересчур много для вместительного, но отнюдь не гигантского дома.

– Половина, скорее всего, прячется, чтобы многочисленность не бросалась в глаза, но если выгнать всех во двор, то можно оценить количество нахлебников, привыкших жить за счет Бельских в столице, ничего не делая и получая щедрый оклад, – сказал я.

По лицу кузины пробежала тень. Она осознала правдивость услышанных заявлений. Легко смотреть со стороны, замечая недостатки, невидимые вблизи.

Последовал властный взмах рукой, подзывая главного управляющего. Мужик просеменил, заранее склонившись в угодливом поклоне. Расплывшаяся фигура, дряблые щеки, старомодный сюртук с выглядывающей из кармашка золотой цепочкой для глупых понтов. Ничего особенного, типичный жирдяй, задержавшийся на средней начальственной должности, из тех, что думают о себе слишком много.

Не глядя на него, Юлия сухо обронила:

– Сколько всего слуг в доме?

Пузан запнулся, зачем-то оглянулся назад, но шеренга прислуги ответила ему угрюмым молчанием. Даже до самого тупого дошло, что на светлом горизонте халявной жизни возникли грозные тучи в виде двух неожиданно свалившихся на голову хозяев. У каждого на физионо-

мии буквально читалось: лучше бы сидели в своем Северном Уделе и не лезли к «несчастливым», присосавшимся, подобно пиявкам, к деньгам из клановой казны.

А что творилось в эмоциональном фоне, вообще мрак. Некоторые вполне серьезно возмущались, что кто-то посмел сомневаться в необходимости их нахождения здесь.

Считав последние эмоции, я удивленно качнул головой. Это ж надо, какая невообразимая уверенность в собственной правоте. В другом месте и при других обстоятельствах такой наглости можно лишь позавидовать.

– Ну? Я жду, – Юлия притопнула ножкой, разыгрывая из себя взбалмошную аристократку, потом передумала и свистящим шепотом пообещала: – На воротах повешу.

Резкие качели эмоций помогли, управляющий вздрогнул, суетливым движением протер лоб, откуда возникшим платком вспотевший лоб. Очень тихо прозвучало:

– Девяносто шесть.

– Сколько? – брови княжны скакнули вверх.

Даже она не ожидала такой цифры. Я, честно говоря, тоже обалдел, снова оглядев не такое уж и большое здание клановой резиденции. Два крыла в классическом исполнении, центральный корпус под старину, вот, собственно, и все. Не загородный коттедж, но и не гигантский дворцовый комплекс.

– По-моему, этот слизняк врет, – задумчиво обронил я. – Не может здесь жить сотня слуг. Даже если всех расселить по хозяйским комнатам, все равно места не хватит.

Мужик протестующе вскинул руки.

– Мы никогда... все гостевые помещения и хозяйские покои находятся в режиме постоянного ожидания, никто в них не живет, – торопливо проговорил он.

И столько убежденности было в его словах, что я на секунду поверил. Потом проверил через эмо-фон и удивленно хмыкнул. Действительно правда, в хозяйских комнатах никто не живет, по крайней мере он в это искренне верит. Другое дело, обычные слуги могли нарушить приказ, но это уже на уровне индивидуальной проверки каждого.

– Все равно, девяносто шесть человек – слишком много. Где они все живут? Здесь столько не поместится, – строго спросила Юлия.

Я снова оглядел хмурые физиономии выстроившихся в шеренге, некоторые уныло смотрели на ворота, догадываясь, что последует дальше.

Правильно, кстати. Если это не сделает Юлия, то сделаю я. Держать столько нахлебников, платя бешеную зарплату, слишком расточительно даже для богатого клана. Не хрен сидеть на заднице ровно, пусть ищут работу.

– Дело в том, ваше сиятельство, что прислуга работает в несколько смен, чтобы быть готовыми в любой час дня и ночи принять гостей, – пробормотал управляющий, видя по глазам молодой хозяйки, что нет – не сработало. Объяснение надуманное, и он сам это понимал.

– И все равно, это слишком много. Даже для трех смен, не считая водителей, охранников и поваров, хватит в три раза меньше.

Я с трудом подавил зевок, мазнул рассеянным взглядом по управляющему, затем оглядел строй, в котором попались вполне симпатичные служаночки.

– Спорим, он еще и трахал некоторых из них, шантажируя увольнением, – я подлил масла в огонь.

Толстяк побледнел, покачнулся, в унисон тревожно качнулась золотая цепочка на сюртуке. Я мысленно ухмыльнулся. Сделал гадость – сердцу радость.

– Нет-нет, у меня жена, я никогда ей не изменял! – управляющий умоляюще взглянул на княжну, на меня он старался больше не смотреть. Что-то не понравилось ему во взгляде юного господина.

– А вот эмоции вон той и той девчонок говорят обратное, – я указал на двух тощих девиц с дальнего края, видимо, новеньких, и злорадно добавил: – Толстячок явно любит зажимать горничных в темных углах, принуждая удовлетворять его похоть.

И вот тут дурак совершил ошибку – поднял на меня полный ненависти взгляд. Я поймал его, словно протягивая между нами невидимую нить.

Секунду ничего не происходило. Управляющий застыл, как изваяние. Затем его обрюзгшее тело напряглось, вытянулось, по дряблой коже прошла волна дрожи, глаза закатились, и вдруг из носа густым потоком пошла кровь.

Ноги любителя молоденьких служанок подкосились, он тяжело осел на землю, теряя сознание.

– Медиков сюда, – хмуро приказала Юлия, наблюдая, как грузная туша опускается вниз.

– Кажется, ему поплохело от жары, солнечный удар и все такое, – протянул я, подставляя лицо прохладе наступавшего вечера, одновременно поднимая голову к уходящему в закат солнцу.

Княжна ничего не ответила, взглядом подозвав ближайшего слугу.

– Кто у него заместитель?

– А-а-а... эм-м...

– Ладно, не важно, будешь ты. Штат прислуги сократить на две трети, всех лишних уволить, но выплатить двухмесячное жалованье в качестве компенсации. Больше никого не нанимать без разрешения из удела, только на замену ушедшим. Понял? Что будет в случае неисполнения, полагаю, говорить не надо.

Мужичок быстро кивнул, скользнул взглядом по лежащему на земле предшественнику и снова закивал, напоминая болванчика.

– Конечно, ваше сиятельство, все понял, ваше сиятельство, все будет исполнено в лучшем виде, ваше сиятельство, не извольте беспокоиться, ваше сиятельство, я не подведу, – затараторил он и вновь согнулся в глубоком поклоне, одновременно вытягивая руку в сторону парадного входа, приглашая пройти внутрь дома. Мы с Юлией проследовали в указанном направлении.

Мы вошли в просторный холл. Выложенный камнем пол отдавал холодом, на стенах в противовес располагались деревянные панели, придавая интерьеру тепло. Странное сочетание, вызывающее неоднозначные впечатления.

– Зачем ты это сделал? – мрачно поинтересовалась она.

– А зачем он принуждал к сексу двух едва достигших совершеннолетия девиц? Они, конечно, дурехи и могли найти другую работу, но согласись, как-то это неправильно.

Княжна на меня покосилась.

– Откуда такое стремление к справедливости? Не ты ли часом ранее говорил в самолете, что не собираешься становиться всеобщим благодетелем?

– Все мы должны творить добро в меру своих сил, – ответил я рассеянно, разглядывая лестницы, ведущие на второй этаж, и добавил: – А кто усомнится в нашей доброте, тот умоется кровью.

Юлия поморщилась.

– Оно и видно, – и оглянулась на открытые двери, там продолжали возиться с не пришедшим в сознание экс-управляющим. Кто-то велел вызвать скорую помощь.

Никаких угрызений совести я не испытывал. Толстяк сам наварлся, и тем, что раздул чрезмерно штат прислуги (наверняка с каждого имел копеечку), и тем, что возомнил себя феодалом с правом первой брачной ночи. В конечном итоге хренов извращенец получил свое.

А вообще, чувствовал я себя отлично. Мысли работают четко, никакой неуверенности, сомнений или других подобных чувств. Наоборот, все кажется кристально ясным. Мозг работает на все сто, охватывая картину событий со всех ракурсов. И я четко знаю, что раньше

ничего похожего не испытывал, значит, дело в проникшей внутрь стихии. Хлад все больше изменял меня, и мне это нравилось. Если так будет продолжаться и впредь, то я не против.

* * *

Утро встретило осторожным стуком в дверь и приглушенным голосом, зовущим от лица ее сиятельства на завтрак. Но внутрь никто не зашел. После вчерашнего прислуга старалась избегать меня, если что-то и говорили, то уперев взгляд в пол, не встречаясь глазами.

Я сокрушенно покачал головой, по лицу скользнула мрачная усмешка. Вот она, людская благодарность, их спасают от тирана-начальника, а они боятся спасителя.

Хотя, справедливости ради, радуются скорее всего только те милашки, кому больше не придется обслуживать жирного урода в сюртуке, остальным изменения пошли поперек горла. Если уволили остальных, то в любой момент могут погнать и их.

– И еще не факт, что тем девицам не нравилось их положение. По крайней мере, они вполне могли рассуждать так, что проще пять минут потерпеть сальные прикосновения жирдяя, чем весь день стоять за кассой в супермаркете, – подумал я вслух и зевнул.

Подняться с постели, принять контрастный душ (в последнее время мне особенно нравилось стоять под холодной водой), одеться и в сопровождении слуги отправиться на поиски веранды, где приказала накрыть Юлия.

– Доброе утро, – приветствовали меня, на секунду оторвавшись от газеты.

В отличие от меня княжна не утруждала себя переодеванием, явившись на завтрак в махровом халате белого цвета с золотистой монограммой на левой груди.

– Из отеля, что ли, стащила? – спросил я, усаживаясь за стол. И тем сбил с мысли княжну, явно нацелившуюся прочесть лекцию по поводу вчерашних событий.

– Что? В смысле?

Я кивнул на халат: она почти утопала в нем, явно не по размеру, и вышитые золотом буквы совсем не в стиле Бельских.

– Не слишком тебе подходит.

Княжна оглядела свое одеяние, нахмурилась, поняла, на что намекаю, и проворчала:

– Это подарок друга.

– Близкого друга? – продолжил провоцировать я.

Секундная пауза, внимательный взгляд и холодный вердикт.

– Не твое дело.

Какие мы грозные.

Быстро позабыв о короткой стычке, я оглядел блюда на столе. Весьма недурно и разнообразно. Веранда, где накрыли завтрак, находилась сбоку от западного крыла. Справа увитая плющом стена и створчатые двери, слева деревья с пышными кронами и запахом леса. Сверху кожу ласкает утреннее солнце. Сказка, а не жизнь.

– Кстати, если тебе интересно, управляющий выжил, – бесстрастно сообщила Юлия, глядя, как я наливаю себе кофе из начищенного кофейника причудливой формы, отдаленно напоминающего восточную лампу, в которой живут джинны. Интересно, где такую штуку достали, неужели трофей из дальних походов?

– Не интересно, – беззаботно откликнулся я, с удовольствием делая первый глоток. Плевать я хотел на судьбу любителя молоденьких девочек.

Княжна по достоинству оценила равнодушие в прозвучавшем ответе.

– Ты ведь понимаешь, что такое отношение к людям делает тебя первым среди подозреваемых на одержимость. Мог хотя бы изобразить сочувствие.

Сказала и осеклась, наткнувшись на насмешливый взгляд поверх фарфоровой чашки.

– Только не говори, что тебе жалко этого извращенца, – размеренным тоном произнес я, аккуратно ставя чашку на блюдце. – И вообще, почему мы разговариваем об этом тупом ублюдке? Разве нет более приятных тем для беседы за завтраком?

Риторический вопрос повис в воздухе. Она чувствовала происходящие во мне изменения, видела своими глазами, но продолжала удивляться.

На ум пришли бывшие соученики из школы-интерната «Серебряный ручей». Ставлю медную копейку против рубля в золотом номинале, что никто из них не узнает теперь в Андрее Ковалевском нынешнего Андрея Бельского. Хотя с последней нашей встречи прошло не так уж и много времени. Хлад в буквальном смысле сделал из меня другого человека. Холодного, безжалостного, любящего рисковать, не боящегося смерти, как раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.